

Вроде бы особенно тяжелой работа не была, но всякий раз я покидала этот дом обессиленной. Мой же родной двор, как обычно, встречал материнской заботой.

— Что, выжали все соки из тебя, да? — спросила тетя Лида, соседка по этажу. — Садись, отдохни.

— Да уж! Ну и парочку вы мне подкинули, — устало ответила я, устраиваясь рядом с ней на скамейке.

— Ничего, ничего! На безрыбье и рак рыба. Потерпи. Вот найдем тебе хорошее место, тогда и бросишь этих упырей.

— Мы сегодня с Додиком целый ящик баклажан с рынка принесли, вам завтра тоже будет чем заняться, — усмехнулась я.

— Нет, ну что за человек! — всплеснула руками тетя Лида. — Ну зачем ему столько баклажан! Сонька их на дух не переносит, а сам столько в жисть не съест!

— Так ведь, тетя Лид, халява — слово сладкое. Бесплатно же, как не взять!

— Ладно, пойдем. Я тебя обедом накормлю, — сказала тетя Лида.

— Да нет, не надо, — ответила я. — Дома что-нибудь поем.

— Дома она поест! Там твой братец ненаглядный своих друзей-алкашей привел. Уже сожрали, наверное, все запасы!

У меня все похолодело внутри.

— Как привел? Опять! Он же обещал..

— Обещать — еще не значит жениться, — ответила тетя Лида. — Ох, девочка! Ну кто ж обещаниям алкоголика верит. Это пока похмелье давит, он и клянется, что ни капли в рот не возьмет, а как на пробку наступил... и все! Понеслась душа в рай! Пошли ко мне обедать.

— Спасибо, тетя Лид! Но я сначала домой зайду, посмотрю, что там и как, — ответила я. — И это... вы деньги мои возьмите, положите у себя. Если Руслан пить начал, то все до копейки спустит.

— Давай, — сказала тетя Лида, убирая в карман мой дневной

заработок. — Я в твою шкатулочку спрячу, как всегда. И недолго там, — добавила она мне вдогонку. — Все горячее, на плите ждет.

Неприятный запах наотмашь ударил с порога. Эту жуткую вонь всегда приносил с собой Китаец. Сегодня водка так по-хозяйски разлеглась на мозгах моего брата, что он запросто ел с одной сковородки вместе с этим бомжем. Китаец к Китаю не имел никакого отношения. Звали его все так, потому что от беспробудного пьянства черты этого еще молодого мужчины совершенно потеряли свой первоначальный вид. Отекшее лицо и набухшие, дряблые веки превратили глаза Китайца в узенькие, вечно слезящиеся щелочки. Китаец уже давно разучился складывать отдельные слова в простые выражения, а потому лишь ел, пил и время от времени вытаскивал из всех отверстий своего организма продукты переработки съеденного и выпитого.

Брат мой хоть и уходил в недельные запои, но пока еще со-

хранил человеческий облик. Под водочку, как соленый огурчик, ему нужен был собеседник. Сегодня им оказался Морпех. Он был старше Руслана и Китайца лет на пятнадцать, когда-то служил во вневедомственной охране, где и приобрел привычку много читать и пить каждый день. Морпех не бомжевал, всегда был выбрит и наглажен, пил только хорошую водку и никогда не приходил с пустыми руками.

Видимо, застолье уже было в самом разгаре, потому как от политики и женщин разговор перешел к боевым заслугам Морпеха.

— Я никогда не был сволочью! Никогда! Я не подставлял своих ребят под пули! — громыхал Морпех. — Это наши штабисты ради звездочек готовы были молодых пацанов положить! Я капитан советской армии, я — морской пехотинец! В этих гребаных горах взвод моих ребятшек остался! В клочья разодранные... А эти суки канцелярские!.. — Огромный кулак Морпеха пытался отомстить нашему кухонному столу за всех погибших.

— А потише нельзя? — спросила я.

— Ой, Верунчик! Верунчик, для тебя все что угодно. — Морпех галантно привстал и припал к моей руке.

— Верка, молодец, что пришла. — Руслан по-братски взял меня за плечи. — Садись с нами.

— Нет уж, спасибо, — ответила я, уворачиваясь от его объятий.

Мне хотелось поскорее смыть с себя сегодняшний день и переодеться.

Пока я стояла под душем, водка на кухне закончилась. Морпех из капитана стал майором, а затем и подполковником. Боевые потери от стопки к стопке тоже росли — рота, полк, дивизия.

Лишь Морпех выходил из боя живым и лично хоронил каждого боевого товарища.

Дальше тоже все как обычно. Руслан робко скребется в мою дверь и виновато скулит:

— Вер, а Вер! Денег дай... А?

— Отстань, — раздраженно обрываю его я.

— Вер, неудобно ж перед людьми! Ну, у Морпеха внук родился. Он, как человек, пришел с бутылкой, а я как хозяин тоже должен угостить, обмыть мальчика, — канючит Руслан.

— У него каждую неделю то внук, то внучка рождается, — ответила я. — Тоже уже, наверное, целая дивизия. Всех не обмоешь! Да и нет у меня денег. Не работала я сегодня. Старики уехали куда-то, — вру я. — Пусти, мне идти надо.

Крошечная однокомнатная квартира тети Лиды — такая же чистенькая и уютная, как и ее хозяйка. Маленькая, худенькая, она напоминает мне мою куклу, играя с которой я строила свой домик. Кукла эта была только моя, а не общая, как все остальные игрушки в детском доме. Именно ее я взяла с собой, когда вскоре, после похорон родителей, Руслана забрали в армию. Длинные волосы своей куклы я заплетала в косу, а тети-Лидина коса короной лежала на ее голове.

— Женя мой сегодня поздно придет. Вдвоем обедать будем, — сказала тетя Лида, ставя тарелки на стол. — Ну, как там дома?

— А... как всегда, — отмахнулась я.

— Гнала бы ты его.

— Вы чего, тетя Лид? Куда я его выгоню? Брат ведь, да и некуда ему идти. Одни мы с ним. Больше нет никого.

— Тебе замуж надо выходить, детей рожать. Сейчас самый возраст. Все надо вовремя делать, —

вздыхнула тетя Лида. — Я вот своего Женю в сорок лет родила. Знаешь, как он мне достался?

— От кого рожать? От алкашей этих? — спросила я.

— Ну, не все мужики алкаши. Ты глаза-то открой — чем тебе мой Женю не пара?

— Женя? Да он же старый! Ой! — спохватилась я. — Я хотела сказать, что старше меня намного.

Виновато опустив глаза и не смея поднести ложку ко рту, я стала перемешивать его борщ.

— Ну, что ты затихла? Ешь, — сказала тетя Лида, усаживаясь за стол. — Вот и хорошо, что старше. Значит серьезный, надежный. Опять же, женат не был, детей на стороне нет. Никаких там алиментов и прочих хвостов за ним не тянется.

— Вкусный у вас борщ, — сказала я, стараясь перевести разговор на другую тему.

— Ох, хитрюга! — усмехнулась тетя Лида. — Ешь давай... Скажешь тоже, старый! Тебе что, его варить? Тридцать пять всего. Для мужика самое то.

— Замуж по любви надо выходить, — попробовала возразить я. — А я пока не люблю никого.

— Вот и хорошо, что никого не любишь. Пусть тебя любят. Чего так смотришь на меня? Все так живут. Привыкните друг к другу, притретесь, а там, глядишь, и любовь появится. Опять же, живем рядом. У тебя вон хоромы трехкомнатные. Пусть по ним лучше дети ваши бегают, чем алкаши вонючие. А с детишками я всегда помогу.

— Те-еть Лид, ну не надо... — взмолилась я. — Не хочу я об этом говорить сейчас.

Телефонный звонок стал моим спасителем и прервал наконец этот не очень приятный для меня разговор.

— Да, Костик, это я, — ответила тетя Лида. — А что случилось? Когда? О боже мой! Да, Верочка сейчас у меня. Мы минут через сорок будем.

Вернувшись в кухню, тетя Лида сказала:

— Давай закругляться.

Ехать надо. — Она стала складывать в сумку очки, паке-тик с лекарствами и прочую мелочь. — Додика в больницу увезли. Камни у него там в желчном пузыре зашевелились. Сын его звонил. Не знает, на кого Соньку оставить.

— Да, конечно, — ответила я. — Сейчас только посуду помогу убрать и домой на минутку за-скачу.

— Иди уже, — сказала тетя Лида. — С тарелками я сама разберусь.

Из открытой настежь двери на весь подъезд воняло Китайцем. От гостей на кухне остались пустые бутылки и гора окурков в сковороде. Магнитофон надрывным хриплым голосом Высоцкого, пытался выяснить, почему ж все таки аборигены съели Кука... А я, вынимая тлеющую сигарету из руки уснувшего брата, подумала: «Кто знает, может, тетя Лида в чем-то и права».

— Нет, что значит — он заболел? — возмущалась Сонечка. — А как же я? Он подумал об этом?!

— Мама! Ну как ты так можешь?! — с болью в голосе сказал невысокий, полный, уже начавший лысеть мужчина, очень похожий на Додика. — Отцу же операцию сделали! Ты понимаешь это?

— Но ведь сделали же уже! Так скажи ему, пусть немедленно возвращается домой! Нечего там разлеживаться, санатории себе устраивать, — гремела на весь дом Сонечка.

— Мам, ты в своем уме? — взмолился клон Додика. — Ему после операции нужно будет не меньше двух недель находиться в больнице. Отцу врачи нужны, уход хороший.

Сонечкины глаза вылезли из орбит:

— Две недели?! Значит, пока твой любимейший папашка под присмотром будет в больнице прохлаждаться, я тут одна сдохнуть должна?! Так, по-твоему?

Сын опустил перед Сонечкой на колено и попытался взять ее руки в свои:

— Мамочка, ну почему же одна? Вот тетя Лида будет каждый день к тебе приходить, а Вера вообще будет здесь и днем и ночью, пока я из командировки не вернусь.

— Эта?! — взвизгнула Сонечка и просверлила меня ненавистным взглядом. — И слушать ничего не хочу. — Она выдернула свои ладони из рук сына.

— Знаешь что, Костик... — со вздохом сказала тетя Лида, до сих пор молча сидевшая на дорогом антикварном стуле. — Ты поезжай в аэропорт, делай свои дела, а мы тут сами разберемся.

— Ой, тетя Лида! Я вам так благодарен, вы просто не представляете! — воскликнул Костик. — У меня самолет через три часа. Я не могу не лететь. Я не могу сейчас что-то перенести или отменить. Пони-маете?

— Ну, сказала же, поезжай, — успокоила его тетя Лида. — А Соня пошумит и успокоится. Куда ей деваться.

— И про папу не забудьте, пожалуйста, — напомнил Костик уже на пороге квартиры.

— Не забудем. Лети уже, — напутствовала его тетя Лида. — Лети, сынок.

— Чего это ты раскомандова-лась? — попробовала возмутиться оставленная без внимания Сонечка.

— Сонь, все. Зрители ушли. Заканчивай свои концерты, — неожиданно резко оборвала ее тетя Лида.

По-хозяйски, словно на своей собственной кухне, она начала накрывать на стол, совершенно не интересуясь при этом прихотями Сонечки.

— Ты сейчас по-еешь — и иди к своему телеви-зору. Не мешай тут, — сказала она. — У нас с Верой куча дел.

Сонечка было набрала полную грудь воздуха, но тетя Лида спокойно и твердо остановила рвущиеся на волю новые проклятия и возмущения:

— А если будешь выступать, то мы разворачиваемся и уходим. Все, тему закрыли.

К моему огромному удивлению, Сонечка в одну секунду сдулась, как воздушный шарик, и из злобной ведьмы превратилась в маленького, рас-терянного, обиженного ребенка. Она послушно съела постав-ленный на стол обед и так же послушно поплелась в зал к своему плюшевому трону. Ее неиз-менное «О, Хоссспади, Хоссспа-ди, Хоссспади!..» звучало уже вполшепота.

— Пока варится бульон для Додика, мы тебе комнату пригото-вим, — сказала тетя Лида.

Привстав на цыпочки, она стала что-то искать на дверном косяке одной из комнат, которая всегда была заперта. Вскоре в ее руке оказался ключ. Она дважды повернула ключ в замке, и едва заметное волнение промелькнуло на ее лице, прежде чем открылась дверь.

В отличие от квартиры, просто заваленной мебелью и веша-

ми, в комнате не было ничего лишнего. Тесно прижавшись друг к другу, стояли рядом детская кроватка и узкая металлическая кровать с круглыми шариками на спинках. Небольшой шкаф для одежды, письменный стол и старый венский стул. Вот и все. Но видно было, что вещами этими когда-то пользовались, что когда-то они жили жизнью своих хозяев, а теперь, исполнив свой долг, покорно приняли забвение.

С первых секунд было ясно, что в комнату эту не заходили уже много лет. И дело даже не в толстом слое пыли, которым было покрыто все. Здесь, как в гербарии, давно не было жизни. Я просто не осмеливалась прикоснуться к чему-либо, боясь, что все сразу же рассыплется в прах.

— Девочка моя, не стой столбом. Давай-ка делом заниматься. — строго сказала тетя Лида, уже совершенно овладевшая собой.

Уборка не заняла много времени. Мебель была совершенно пуста, а на стене висели лишь две фотографии. На одной я сразу же узнала молоденькую тетю Лиду, которая в то время еще ни для кого не была тетей. На руках она держала пухленького Костика, лысенькая головка которого была покрыта младенческим пушком. Костик беззубо улыбался и тянул к кому-то свои ручки. Со второй фотографии на меня смотрела волоокая красавица с толстенной косой и комсомольским значком на пышной груди.

— Узнаешь? — спросила тетя Лида, тоже разглядывая фотографии.

— Конечно, — ответила я улыбаясь. — Это вы с Костиком.

— А это Сонечка, — добавила тетя Лида, указывая на волоокую девицу.

— Сонечка?! — переспросила я, не веря своим глазам.

— Сонечка, Сонечка... а кто еще, — сказала тетя Лида, задумчиво глядя на фотографию. — Ты что ж, думаешь, она всегда была такая, как сейчас? Не-ет... Сонька наша была как в том фильме — студентка, комсомолка и просто красавица. Лучшая на курсе, умница... все везде успевала, на все ее хватало... Да... Кто бы мог подумать... А все любовь ваша виновата! Через нее Сонька и сломалась.

— Сломалась? Почему? — удивленно переспросила я. — Ведь Додик служит ей как собака, каждое слово ловит.

— А при чем здесь Додик? Любила-то она не его, — сказала тетя Лида, застилая для меня постель. — Ты воду в ведре поменяй и еще раз все обойди. Тогда и порядок будет.

— А кого она любила? — спросила я, вернувшись с чистой водой.

— А кого мы, бабы-дуры, любим? — усмехнулась тетя Лида, расправляя цветастое покрывало на теперь уже моей кровати. — Пустобрехов смазливых. Вот и она себе такого же выбрала. Ну, как ведется, поигрался он с ней, а замуж не взял. Не подошла она ему по фасону. Сонька обыкновенная, с рабочего поселка, а у него папа из бывших, который и при нынешней власти хорошо прижился. Дом как Третьяковская галерея, весь в картинах, коврах и старинной мебели. Больше всего его родителей выводило из себя, что Соня говорила неправильно. Ну, не барского рода, в общем. А... — махнула рукой тетя Лида. — Все старо, как мир. Красавчика этого вскоре женили, а Сонька на себя руки решила наложить. Вот и вся любовь, — подытожила тетя Лида.

— А что потом? — спросила я.

— Что потом... — задумчиво произнесла тетя Лида. — Пока Соню в больнице выхаживали, приехала ее мама. Женщина она была малограмотная, но по-житейски очень мудрая. Огляделась она вокруг и сразу, в отличие от Сони, заметила Додика. Мы ведь все втроем — Соня, Додик и я — еще на рабфаке вместе учились, а потом и в институте в одной группе оказались. Додик за Сонькой как тень ходил. В комсомол из-за нее вступил, общественные поручения всякие выполнял, чтоб всегда рядом с ней быть. Вот Сонина мама их и свела. Как говорится, клин клином вышибают. Сонька согласилась выйти за Додика, но условие ему поставила, чтоб жили не хуже, чем ее павлин распрекрасный. Нос ему хотела утереть. Вот Додик всю жизнь и корячится, чтоб жене угодить. Видишь, весь дом захламил.

Додик лежал на больничной кровати бесформенным сморщенным комочком. Из-под одеяла выглядывала лишь голова, покрытая мужским носовым платком. Щеки его ввалились, а потухшие глаза, не мигая, смотрели на муху, сидящую на оконной раме.

— Как вы себя чувствуете? — спросила я.

— Что? — встрепенулся Додик.

— Как ваше самочувствие? — повторила я.

— Не знаю, — растерянно ответил Додик и с какой-то надеждой посмотрел на дверь за моей спиной. — Я не знаю, как я себя должен чувствовать. Я ведь никогда в своей жизни в больнице не лежал. Нет. Я болел, конечно, но все это как-то на бегу, на ногах, а тут вот такое... Шо там Сонечка? Наверное, места себе не находит, бедная... Кушает? Ты ее корми хорошо, следи за этим, ей силы сейчас нужны. А меня вот не

кормят здесь совсем. Бок болеть перестал, а кормить не кормят, мерзавцы.

— Да нельзя вам пока кушать, — успокоила его я. — После операции только бульон можно. Вот вам Лидия Яковлевна сварила. Пейте, пейте, он теплый еще.

Додик приподнялся в кровати, и носовой платок упал с его головы.

— Вот ведь, — сказал Додик, поднимая платок, — на улице жара страшная, а у меня голова мерзнет. И всю жизнь так, сам не знаю почему. Сонечка почему-то злится всегда, когда я на голову платок ложу. Ой, господи! Кладу! И чего злится — непонятно. И какая разница — ложу или кладу? Главное, чтоб тепло было.

Додик отпил бульон и прислушался к тому, как он расположил-

ся в его желудке. Потом сделал еще один осторожный глоток.

— За жену свою вы не беспокойтесь. Я у вас поживу, пока вы в больнице, и присмотрю за ней. А вам завтра шапочку лыжную принесу. Выглядеть будет лучше, и теплее к тому же, — сказала я, и мне показалось, что в глазах Додика мелькнуло что-то похожее на благодарность.

Додик появился в доме через десять дней. Он перешагнул порог, неся в вытянутой руке прозрачный пластиковый стаканчик, до половины заполненный зелеными круглыми камешками. Додик прямым ходом отправился к плюшевому трону и, преподнеся Сонечке свои трофеи, торжественно произнес:

— Вот!

Сонечка, до этого момента мирно дремавшая в своем кресле, некоторое время рассматривала содержимое стаканчика, а затем, подняв глаза на Додика, спросила:

— Это что?

— Это мои камни! — гордо ответил Додик.

— Какие еще камни? Зачем мне твои камни? — спросила Сонечка, постепенно повышая тон.

— Ну, доктор мне вырезал желчный пузырь, а там камни, — пояснил Додик.

— Я-то здесь при чем? — закипающим от раздражения голосом спросила Сонечка. — Убери от меня эту гадость! И... и руки вымой, немедленно! — кипятком плеснула она в лицо мужу.

Продолжение следует.

Петропавловск-Камчатский — Франкфурт-на-Майне